

25 апреля (8 мая)

Мученица Надежда Семенова

Мученица Надежда родилась 8 сентября 1865 года в семье мещан заштатного города Воскресенска¹ Звенигородского уезда Московской губернии Василия Алексеевича и Евдокии Ивановны Семеновых.

Надежда была прихожанкой, а затем с 1928 года старостой Вознесенского храма, выстроенного в Воскресенске в 1805 году на средства прихожан, причем в клировых ведомостях в 1892 году отмечалось, что каменный храм был выстроен прочно; в 1875 году в храме было устроено отопление. В начале XX столетия число прихожан увеличилось до двух тысяч, и храм перестал вмещать молящихся. В 1908 году архитектор И. С. Кузнецов составил проект, по которому предполагалось увеличить площадь храма и построить колокольню. В 1912 году строительство, производившееся в основном на средства прихожан, было завершено. Воздвигнутый храм стал в полном смысле народным детищем, в нем воспитались и служили те, кто впоследствии прославил Бога исповедническим и мученическим подвигом.

Младенца Надежду крестил настоятель храма протоиерей Сергей Холмогоров. Отец Сергей начал служить в Вознесенском храме с 1859 года. В 1860-е годы он занимался с детьми у себя дома, а затем стал законоучителем в начальном училище Воскресенска. Это был человек глубокой и искренней веры. При земных неудачах он никогда не печалился, не стремился к почестям и наградам и огромное значение придавал богослужению, которое и вдохновляло, и окрыляло его. В 1881 году отец Сергей был назначен благочинным, в 1887 году – наблюдателем церковно-приходской школы в селе Никулино. Как благочинный, он был для подведомственного ему духовенства более другом и советником, нежели строгим начальником. Смиранный сам, он старался возвысить подчиненного и защитить его перед вышестоящим начальством, иногда даже и в тех случаях, когда тот был не прав.

Училище в Воскресенске было открыто в 1848 году стараниями купца Ивана Дмитриевича Чикина и содержалось целиком на его средства. В 1870 году Иван Дмитриевич из-за недостатка средств отказался от содержания училища, и его обязанности по просьбе жителей города взял на себя владелец суконной фабрики Павел Григорьевич Цуриков. В 1871 году здание училища сгорело, и, чтобы не прекращать занятий, новый попечитель снял на время в аренду дом, в котором занятия продолжались до той поры, пока на пожертвованной им для благого дела земле рядом с Вознесенским храмом не было выстроено деревянное, одноэтажное здание училища. По прочности материала и красоте отделки его называли лучшим зданием в городе. 26 ноября 1871 года состоялось освящение училища, для чего были приглашены три священника: Успенской церкви при суконной фабрике П. Г. Цурикова, Троицкой при реке Истре и Вознесенской, где настоятелем был протоиерей Сергей Холмогоров.

В здании училища располагались классная комната, учительская, квартира учителя и комната сторожа. На большом дворе была площадка для игр и отдыха. В училище обучалось сто девочек из города и окрестностей. Кроме

общеобразовательных предметов и Закона Божия, который преподавал отец Сергей, их учили рукоделию и пению. Здесь и прошли детские годы Надежды.

Протоиерей Сергей Холмогоров скончался в 1905 году, а затем в Вознесенском храме служили священники Василий Касаткин и Василий Соколов (скончавшийся в 1928 году в возрасте 45 лет). В 1922 году представителями советской власти из храма были изъяты богослужебные сосуды, серебряные части Евангелий, четыре креста, восемь лампад с цепочками, ковш и кадило.

В течение нескольких лет власти вели борьбу с верующими Воскресенска, добиваясь закрытия Вознесенского храма. В 1928 году в храме служили священник Александр Понятский и диакон Николай Успенский. Стремясь закрыть храм, что можно было сделать, ставя священнику заведомо невыполнимые условия, местные власти потребовали от отца Александра уплаты непомерных налогов, угрожая в противном случае закрыть храм.

Бережно относясь к храму, прихожане ремонтировали его в соответствии с возникавшей необходимостью – в 1931-м, в 1932-м и в 1933 годах, но речь о капитальном ремонте для них никогда не шла, так как храм был построен недавно. В 1933 году священник Александр Понятский и диакон Николай Успенский были арестованы и сосланы.

10 мая 1934 года в храм явилась назначенная местными властями комиссия, в состав которой вошли: член президиума городского совета, помощник начальника районного управления милиции, заведующий благоустройством городского коммунального хозяйства, два техника и инспектор пожарной охраны. Комиссия получила задание квалифицировать состояние храма, как аварийное и невозможное для дальнейшего использования без капитального ремонта. После осмотра комиссия потребовала в течение месяца снести купол храма, заменив его на плоскую кровлю, прекратить колокольный звон, снять колокола и разобрать верхний ярус колокольни.

И всем стало ясно – власти добиваются закрытия храма, чего прихожане не хотели и не могли допустить. Члены приходского церковного совета направили в районный исполком заявление, в котором просили назначить новую комиссию, куда вошли бы компетентные в решении подобных вопросов сотрудники органов строительного надзора; при этом прихожане обещали оплатить все расходы. Но им было в этом отказано и предложено лишь увеличить сроки исполнения ими работ, когда верующие должны были снять колокола, разобрать верхний ярус колокольни, снести купол, сделать плоскую кровлю – и, таким образом, храм был бы самими верующими переоборудован под клуб, который власти намеревались здесь открыть.

Церковный совет обратился в Президиум Мособлисполкома с ходатайством о назначении компетентной комиссии «для определения действительной необходимости тех капитальных переустройств церкви, которых потребовал Горсовет».

Но ответа на это письмо церковный совет не получил и 19 июня 1934 года обратился с просьбой к последней инстанции – в Президиум ВЦИКа; в ходатайстве было написано: «Церковный совет считает необходимым отметить, что не уклонялся от производства того ремонта, который был основан на хозяйственных правильных требованиях. В данном же случае неожиданно предъявляются такие требования, кои безусловно не вызываются необходимостью, а должны поставить общину верующих перед невозможностью выполнения и вероятным закрытием церкви. <...>

Община верующих твердо убеждена, что заключение комиссии Истринского горсовета не отвечает действительному состоянию здания церкви и направлено единственно к изъятию церкви у общины путем возложения на нее непосильных и ненужных по существу обязательств. <...>

Доводя о всём вышеизложенном до сведения Президиума ВЦИКа и учитывая, что в Истре действует единственно эта церковь, обслуживающая не только верующих города Истры, но и окрестностей, церковный совет ходатайствует перед Президиумом ВЦИКа об отмене постановления Истринского РИК и Московского облисполкома о закрытии церкви при невыполнении капитального переустройства таковой, с предложением Истринскому РИКу определения об объективном порядке действительно требующегося ремонта и предоставления церковному совету разумного и хозяйственного срока для выполнения этого ремонта, не преследуя цели закрытия церкви путем формальных требований непосильного и ненужного по существу переустройства церкви.

Особо просим Президиум ВЦИК дать распоряжение Истринскому РИКу о приостановлении всяких административных мер в отношении закрытия церкви до разрешения по существу настоящего ходатайства».

При множестве подписавшихся под ходатайством прихожан, основную ответственность за него в соответствии с доверенностью, выданной общиной верующих, взяли на себя Милица Кувшинова², Евдокия Кузьмина³ и Надежда Семенова. Все они через некоторое время были арестованы и двое из них расстреляны.

Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) поддержал это ходатайство, написав на нем резолюцию: «Прошу оказать возможное для удовлетворения законного желания общины сохранить за собою храм».

Затем состоялась полная обмана переписка между центральными властями и местными, в которой одни утверждали, что храм был закрыт на основании постановления Президиума Мособлисполкома от 17 сентября 1934 года «для использования здания под дом культуры», о чем будто бы верующим было сообщено 19 сентября, другие же говорили о том, что никакого документального решения о закрытии они не получали.

После закрытия храма Надежда Васильевна, как и другие жители города, стала посещать Троицкий храм, находившийся в двух километрах от Истры, в котором служили священник Иоанн Орлов⁴ и диакон Петр Троицкий⁵, служивший ранее в Вознесенском храме. Когда Надежда Васильевна болела, отец Иоанн приходил к ней в дом соборовать и причащать её, беря с собой диакона Петра. Во время совершения Таинств они тихо беседовали, так что живший в её доме квартирант Павел Щапов никак не мог расслышать, о чем они говорят, хотя и старался.

В феврале 1935 года в газете «Истринская стройка» было опубликовано сообщение о закрытии Вознесенского храма: «В Истре есть для клуба великолепное здание, когда-то бывшей церкви. Оно давно под клуб предназначено, но Горсовет с Райпрофсоветом, видите ли, о клубе весьма мало заботятся». В августе 1935 года началось переоборудование храма под клуб. «Уже построена сцена. Скоро будет устроен потолок. Клуб начнет работать с осени этого года», – сообщалось в газете. Но в апреле 1936 года уже писалось, что

городской клуб не построен, а выделенные для перестройки 150 тысяч рублей исчезли.

После прекращения богослужения с Вознесенского храма был снят крест, сброшены колокола и разрушена колокольня. Верующие продолжали хлопотать о возвращении храма, но приближалось время, когда храмы если и могли где еще оставаться, то разве лишь в душах людей.

14 февраля 1937 года молодой комсомолец Павел Щапов написал донос в Истринский районный отдел НКВД, заявив, что в доме, где он живет как квартирант вместе с женой около двух лет, проживает хозяйка дома Надежда Васильевна Семенова. Она, как он заявил, держит связь со священниками и агитирует за религию. К ней собираются по несколько человек, читают Евангелие. А также она агитирует проживающую в том же доме квартирантку Твардовскую Полину Климентьевну. Пыталась она, по его словам, оказать влияние и на его жену, даря ей иконы, чему он решительно воспротивился. Доносчик просил принять соответствующие меры к Семеновой, а Твардовскую вызвать на допрос.

Через несколько дней, 17 февраля, начальник Истринского районного отдела УНКВД по Московской области лейтенант госбезопасности Киселев приказал «взять в агентурную разработку Семенову», что означало собрать о ней через секретных сотрудников дополнительные сведения для последующего её ареста, а также «побеседовать с Твардовской о Семеновой и, если подойдет, наметить ее к вербовке». Были установлены имена людей, посещавших Надежду Васильевну, и через секретных сотрудников определено их местожительство.

13 июля 1937 года НКВД выпустил секретный приказ о начале массовых репрессий в советской России, которые начались 5 августа. В первую очередь использовались имеющиеся у НКВД материалы, собранные его сотрудниками через секретных осведомителей.

14 августа сотрудник Истринского районного отдела НКВД Агафонов допросил Павла Щапова и его супругу Клавдию, которые показали, что Надежда Васильевна критически отзывалась о колхозах, говорила, что коммунисты обманывают народ, утверждая, что тот живет зажиточно, тогда как рабочие и колхозники едят один черный хлеб, что «коммунисты жестоко расправляются с народом, ничего нельзя сказать, а если чего-нибудь скажешь, то тебя тут же посадят или расстреляют, люди сидят в тюрьмах ни за что». Павел Щапов также показал, что квартиру Надежды Васильевны посещают священник Иоанн Орлов и диакон Петр Троицкий, но «характер разговоров мне не известен, ведут разговоры шепотом», – добавил он.

Была допрошена соседка Надежды Васильевны; она показала примерно тоже, добавив лишь, что в первых числах июля 1937 года Надежда Васильевна будто бы говорила: «Вот мы все забыли Бога, и нам Бог дождя не посылает, всё погорит, и мы будем сидеть голодными».

Также была допрошена жившая на той же улице вдова по имени Клавдия, которая перечислила имена людей, посещавших дом Надежды Васильевны; эти люди были взяты сотрудниками НКВД в агентурную разработку.

– Расскажите о характере их встреч, – спросил ее следователь.

– Мне кажется, что их сближение и встречи происходили на религиозной почве, – ответила Клавдия.

– Дайте показания об антисоветской деятельности Семеновой, – потребовал от нее следователь.

– Фактов антисоветской деятельности я привести не могу, так как от Семеновой ничего не слышала, – ответила Клавдия, и на этом допрос был окончен.

Была допрошена и другая соседка Надежды Васильевны, Анна Глушкова, которая, отвечая на вопросы следователя, сказала: «В 1936 году в конце декабря ко мне заходила Семенова и в разговоре со мной у меня дома Семенова говорила: “Что ты повесила портрет Ленина, а иконы все сняла, что тебе дал Ленин? Он безбожник и все коммунисты безбожники, но погоди, скоро им придет всем конец”».

21 августа 1937 года начальник Истринского отделения НКВД Киселев выписал ордер на арест Надежды Васильевны, и в тот же день она была арестована сотрудником Истринского отдела НКВД Агафоновым.

– Следствию известно, что в конце декабря 1936 года в доме гражданки Глушковой вы наносили угрозы по адресу правительства и клеветали на одного из руководителей советского правительства. Дайте показания по этому вопросу, – потребовал он от Надежды Васильевны.

– В конце декабря 1936 года я у Глушковой была, но никаких угроз никому не наносила. Я только сказала, что у тебя был в углу Спаситель, а сейчас Ленин, – ответила Надежда Васильевна.

– Следствию известно, что вашу квартиру часто посещают священник Ильинской церкви и диакон Петр Троицкий. Дайте показания о характере ваших разговоров с ними, – потребовал следователь.

– Священники ко мне ходят редко, и никаких чтений Евангелия у меня не бывает. Они были у меня во время моей болезни, я тогда причащалась и соборовалась. Разговоры на политические темы у меня в квартире никогда не происходили.

– В 1936 году в разговоре с гражданином Щаповым вы высказывали террористические настроения по адресу руководителей правительства и защищали политику Троцкого. Дайте показания по этому вопросу, – потребовал следователь.

– С гражданином Щаповым, как проживающим вместе со мной в одном доме, я часто разговаривала, но террористических настроений по адресу руководителей я никогда не проявляла и политику Троцкого никогда не восхваляла.

– Признаете ли вы себя виновной в предъявленном вам обвинении? – задал ей следователь последний вопрос.

– В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю, – ответила Надежда Васильевна.

По окончании допросов она была заключена в Таганскую тюрьму в Москве.

20 сентября оперуполномоченный 4-го отдела УГБ НКВД Московской области Рабкин выписал постановление о передаче материалов следствия на рассмотрение тройки УНКВД по Московской области. Постановление утвердил заместитель начальника УНКВД Московской области Якубович. 11 ноября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила Надежду Васильевну к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и 16 декабря в составе тюремного этапа она прибыла в Тайшетлаг в Иркутской области. В это время ей было семьдесят два года. Надежда Васильевна скончалась 8 мая 1938 года в 6-м лагпункте Тайшетлага и была погребена на Акульшетском кладбище в Тайшетском районе.

Здание Вознесенского храма в 1941 году пострадало во время ведшихся в районе Истры боев, и руины его еще долго стояли заброшенными, пока в начале 1960-х годов не были разобраны, и на этом месте был построен один из корпусов завода «Углемаш». В 2009 году рядом с тем местом, где прежде стояла Вознесенская церковь, был возведен небольшой деревянный храм-часовня, как памятник многострадальному храму и народу.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

¹ Ныне город Истра.

² Мученица Милица Кувшинова; память 23 января / 5 февраля.

³ Преподобномученица Евдокия Кузьминова; память 23 января / 5 февраля.

⁴ Священномученик Иоанн Орлов; память 22 февраля / 6 марта.

⁵ Священномученик Петр Троицкий; память 15/18 июля.